

Документ MICROSOFT WOR(L)D

Документ Microsoft Word. 10,5 килобайт. Белый, на половину экрана, с форматированием. Шрифт Times New Roman 12, без курсива, полужирного и подчеркивания, прижат по левому краю. Много функций: есть «поиск», «предварительный просмотр», «автореферат», «автоформат». В то время я часто открывал такой документ и смотрел в белый экран. Я не знал, о чем писать, и чувствовал внутреннюю пустоту. Кто-то назвал бы это «синдромом чистой страницы», для меня же существовал документ Microsoft Word. Самый обычный документ из всех документов. Моё рваное послание миру.

Наверно, потому что школьная жизнь медленно таяла, а вместе с ней подходили к концу гопники, надежды и деньги, общество казалось лучше, чем раньше, и солнце светило куда ярче, но я не знал, как продолжить свою жизнь и что делать еще через год, когда каменные стены выплюнут в бесформенный капиталистический хаос.

В те апрельские дни я читал книги по НЛП, временами наслаждался романами Желязны, перелистывал рассказы Джека Лондона и Леонида Андреева. Иногда мне требовались неорганические соединения, чтобы устраивать персональные погромы. Тогда я забегал в маленький магазинчик, где худенькая блондинка с глазами цвета Великой Американской Депрессии торговала ацетоном и стройматериалами. Я покупал у нее исключительно металлические изделия. Похоже, ей это нравилось.

Одно время у меня в квартире было так много металла, что один знакомый предложил выплавить статую в честь мужского детородного органа или гигантское яйцо, из которого бы вылупился антихрист. Что касается музыкального металла, то он никогда не напоминал мне металла настоящего. Глаза видели роботов при звучании техно-рока, пальцы ощущали лезвие бритвы при мелодиях индастриала, Металлика же навевала скорее городские баталии, нежели отдел, где торговала молчаливая блондинка с глазами Великой Американской Депрессии.

В июле я поехал отдыхать в Аршан вместе с другом. Мы остановились у Подласовых. Илья Подласов – хозяин ласковый, улыбчивый, на ладонях мозоли. Некогда он купил у пьющего бурята участок земли с ручьем и ослепительным видом на горы, а теперь сколотил на этом месте пять деревянных домиков и сдавал их, выручая неплохие деньги. В работе ему помогал племянник, ловкий парень лет четырнадцати, и отец, шестидесятилетний геолог-таёжник, пропахший землей. Таёжник был крепкий, как скала, жил он в палатке – так ему было удобнее – и иногда кричал во сне: «Караул! С топором гонятся!», а кто гонится, почему гонится – непонятно.

«Мой папка был честным кулаком, – любил говорить он, перебирая ягоду или раскалывая чурки. – Пахал как вол! Пришли коммунисты и всё оттяпали, нетопыри! Нет, больше такого не будет. Мой сын – мой наследник. Он капитал сделает ей-ей, вот увидите! С Подласовыми снова считаться станут».

Илья кивал, проходя мимо, и на лице его была ласковая улыбка: «вы над дедом не смейтесь, он много горя хлебнул».

Дни летели пёстрыми бабочками. Мы с другом купались в шумной и весёлой речке Кынгырге, ездили по лесным тропам на лошадях, ходили на рынок, присвистывая всем встречным девушкам, пили воду с минералами и познакомились даже с колдуном Леонидом. Белобородый, давящий тяжёлым взглядом, он много говорил об астрале, о воздержании, при котором семя всасывается в кровь, о Поганом кургане. Вопреки предостережению колдуна мы сходили на проклятое место; навалился дождь, обратный путь выдался холодным и тяжёлым. По возвращению друг сразу уснул и увидел сон про мертвеца в чешуе и с топором в клешнях. Стало по-ночному жутко. Включили радио: там передавали, что в Саянских горах пропали шесть скалолазов. Мы обмазались полынью, вывернули одежду наизнанку, заточили кухонные ножи. Нечисть рычала за стенами, но

внутри так и не ворвалась.

Внимание, я привожу два толкования из Ожегова:

НЕЛИШНЕ, в знач. сказ., с неопр. (разг.). Не помешает, следует, не лишнее. *Н. помнить, что времени мало. Н. бы отдохнуть.*

ОНУЧА, -и, ж. Длинная широкая полоса ткани для обмотки ноги. (при обувании в лапти). *Холицёвые, шерстяные онучи.*

Теперь забудьте о словах (в конце я всё объясню) и посмотрите на этого бледного и не очень нормального человека в тёмной майке «Дунай»: у него прицельный взгляд и слишком бесформенные волосы. Это я-в-депрессии.

К сожалению, она часто приходила ко мне. И тогда от разрывающей безнадеги я любил залезать на чердак, чтобы встретить рассвет или решить очередную проблему мирового масштаба: кто убил Лору Палмер, что такое Danube [дэньуб], есть ли конец у числа «пи»? Особенно красиво было, когда звездной пылью блестел туман и молодая листва дышала бесконечной прохладой, нашептывая о чем-то бесконечно живом, о доме, растущем в нас, о самых чистых мгновениях и самых далеких планетах. Окна вспыхивали теплыми огоньками и гасли, как цикл необъятного круговорота сна и реальности. В такие моменты я чувствовал, что мне нравится одиночество. И ещё я был уверен, что бесконечность – единственный идеал: это (3) я (1) знаю (4) и (1) помню (5) прекрасно (9) – а дальше придумывайте до конца жизни.

Пару раз после прогулок по чердаку ко мне приходили сны про красные леса. Они скрывались во внутреннем измерении покрывала, были спелыми, как мякоть арбуза, и являлись одновременно и государством, и личностью, и триединым богом. В них в качестве автономии проживали добрые чудища. Они учили меня обнимать землю и постоянно упоминали, что среди людей есть много прекрасных личностей, загубленных социальной системой и наркотиками.

– Как обрести счастье? – спрашивал я у рекламы. Реклама отвечала разноцветными обертками «Мамбы».

У меня даже было стихотворение на эту тему, созданное тремя ударами головы о клавиатуру. Я посылал его Филиппу Киркорову на электронную почту, но мне никто не ответил. Вот оно:

T65rgfj h
R4t5h5yn7kyjn
h muhy
aweh

Ещё у меня был сосед-программист по кличке Вектор, коренастый тридцатилетний неудачник с рыжими волосами и приплюснутым носом, давний почитатель Онана, недополучивший в детстве родительского тепла. Он писал нечто подобное (это были песни) с помощью программы, собранной им на Бейсике: она выдавала случайный набор слов и аккордов, в большинстве случаев несогласованный. Самая удачная из них:

Am Dm
Люблю вода топор
H
Жжёный живу ивами холод
G
Плачущий мы

Кроме того, у него был роман («Один случайный логин», 482 страницы, Иркутск, 2006, Самиздат), который состоял из случайных цитат, заметок, оборванных переписок, каталогов. Вектор дарил экземпляры всем подряд.

© Деревянко, А.С., 2012

– Нет, ещё не читали! – отзывались соседи из-за дверей.
– Стара я для такой зауми, – шоркала голосом вахтёрша.
– Ерундой занимаешься! – хмурились парни у гаражей. – Лучше бы деньги зарабатывал.

– Лагослови бог! – жал ему руку местный юродивый. – Мы намедни костёр топили ентими штуками. Горели как Йуда в аду! Крест даю!

Вектор всем улыбался и был полон голодной ярости, как и полагает молодому таланту, но я чувствовал, что ярость эта от невыплаканной безнадёги, и потому поддерживал безумца: когда приятельским анекдотом, а когда и банкой консервов. Он был благодарен, обещал сделать меня героем своей поэмы, в которой хотел описать двоичным кодом всех честных людей от Платона до наших дней. Но вместо этого, увы, возомнил себя мастером боевых искусств и пошёл учить приёмам дворовых огольцов. На той же неделе бедный Вектор был покалечен и весьма серьёзно, после чего переехал в лесной район на самом отшибе города и там, говорят, занялся браконьерством.

[здесь должен быть текст]

[здесь должен быть текст]

Надежда – девушка слишком симпатичная и странная. Ее красно-розовые волосы спадали на лицо, на ногах темнели берцы, приятные духи рисовали в воображении Венецию. Она ехала на спортивной «ямахе» в квартиру, где начиная с вечера почитали раскрученную до предела жизнь. Надя была творческой натурой и боялась темноты. Пожалуй, нет ничего романтичнее, чем знакомиться на пустой дороге улицы Якоби. Так и хочется сказать «якобы», ибо «якобы» слишком рифмуется с Якоби.

Скрип тормозов плюс звон колокольчиков – мы уже у дверей. Квартира поглощает в себя дымом и пачками темных декоративных шкатулок, в сумасшедшем свете красных ламп завязываются непонятные разговоры. Надежда так быстро поссорилась с кем-то из своих ненормальных друзей, что я не успел опомниться. Обиженная и заплаканная, она уединилась в дальней комнате.

– Как обрести счастье? – спрашиваю я у нетрезвой толпы.

Старший брат Нади, без двух недель дембель с варёными ранами, тот самый «грозный, который ахеенам тысячи бедствий соделал», стеклит по ушам: «Вали отсюда!»

И я ухожу в тёплую улицу. Пожалуй, всё было бы просто, не ударь в глаза, что от козырька подъезда тянется уродливый железный штырь, а чуть выше, на третьем этаже, распахнутое окно – это окно в её комнату:

Б а л к а

З а н а в е с к а

З а н а в е с к а

К а к т у с ы

Нужно было дерзнуть, я зацепился за козырёк, расцепил себе икроножные мышцы, поймал пальцами штырь, разбил о кирпичи локти, колени, ступни, дёрнулся из последних сил, порвал майку «Дунай», но забрался.

– Как обрести счастье? – спросил я у Нади.

Поначалу она серьёзно испугалась, но затём расцвела: никто и никогда не приходил в её жизнь таким образом. Мы забаррикадировались шкафом и почувствовали, что бросили вызов всему обществу. Девушка хотела включить последний альбом Nine Inch Nails, однако так и не нашла его, поэтому поставила «Issues» Корнов. Так и хочется сказать «Иисус», ибо «Иисус» отдаленно походит на «Issues».

Интермедия: «А. и Механические Животные»

А. (Омега): Езжай в Америку и убей Сабрину Харман, если хочешь сделать мир чище.

А. (Альфа): Убийство другого порождает зло. Зло недопустимо.

А. (Омега): А ты разве не зло? Ведь ты ненавидишь меня? Значит, ты ненавидишь себя.

Иди и убей нас.

А. (Альфа): Самоубийство порождает зло. Зло недопустимо.

А. (Омега): А как же власть? Подумай, весь мир может быть у наших ног! Будем убивать всех подряд!

А. (Альфа): Стремление к власти порождает зло. Зло недопустимо.

Загадка: «Случайность или закономерность управляет жизнью?»

Весь вечер я рассказывал Наде про красоту и непознаваемость мира, временами пускал в ход все, что знал о Возрождении, напевал «Люблю вода топор». Особенно ей понравились стихи, которые я кое-как воспроизвел на память (кажется, ранний Гумилёв). Она в свою очередь удивила меня: блондинка с глазами цвета Великой Американской Депрессии была её подругой, очень доброй, мечтательной и даже разговорчивой, но только для неё. Вскоре часы показали «00.00» – на небе танцевали разноцветные звезды.

– У меня дрожь, – тихо говорила девушка, склонив голову во мраке. – Мне кажется, что там кто-то есть, и он хочет убить меня...

– Всё хорошо, – утешал я. – Со мной ты в безопасности. Я не уйду, пока ты не попросишь.

– А ты примешь меня такой, какая я есть? Не боишься будущего?

– Ничего не боюсь.

Она призналась, что очень сомневалась в завтрашнем дне, а потому сегодня попробует нечто необычное, нечто достававшееся немислимым трудом. Когда пространство потеряло ее, она удовлетворенно улыбнулась и упала вниз. Мы целовались так долго, что я начал верить в себя. Это возвеличивало над эго, над человеческим муравейником, над богами и над первородной материей. Вскоре часы показали «3.14». Лифчик поддался сразу...

Я вернулся домой ближе к утру, не раздеваясь, прилег на диван и когда уже терял границу между реальностью и грезами, различил на улице громкое пиршество огней. Целый месяц тонуть в неизвестности и сражаться с собой, а затем вдруг обрести надежду, пускай на время, но обрести. Я знал, что когда проснусь, буду и самым добрым человеком во Вселенной: мир казался прекрасным и бесконечным, клокочущее живым, неизмеримым, полным, как «Песня песней». Сплетённый из сотен рек, наполняющих его чащу счастьем, тайными символами, народными песнями, мир бушевал во мне морем, а я растворялся в нём.

[здесь должен быть текст]

С тех пор минуло четыре года. Я вновь был у Подласовых с тем же другом, но отдых не удался: постоянно давило мутное и звенящее ощущение времени. Дед-таёжник умер от сердечного приступа (он совсем не следил за здоровьем, презирая медицину), племянник окреп, в совершенстве овладел плотническим делом и планировал справить свадьбу, да так справить, чтобы вся деревня и спустя десять лет вспоминала. Двор разросся: появились фонари в стиле восемнадцатого века, огромные качели, «разбойничий штаб» для детишек, домиков была уже целая дюжина – и многие двухэтажные. Сам Подласов стал тревожнее, говорил, что у сына свой бизнес, пускай сам учится зарабатывать, а потом он передаст ему дело, жаловался на бесконечный рост цен, пугался слухов о дефолте, рассуждал о том, как будет расширять свои владения; и во всех его словах было что-то неуловимо тёплое, дворянское.

«А вообще, ребята, сходите в клуб, – советовал он. – Открылся по главной улице. Настоящий клуб, не хуже городского!»

Кынгырга встретила нас отчуждено и всё перекручивалась, будто плёнка на кассете, проигрывая монотонную песню о жизни, которая будет играть у гробового входа...

Колдуна Леонида мы не нашли – он переехал в город, его хижину снесли и начали строить шашлычную. Нечисть больше не появлялась, только лампочка в фонарике сама собой лопнула. Наконец друг, вдохнув, предложил собирать вещи.

Когда я вернулся в город, то первым делом стряхнул с себя грусть и пошёл в торговый комплекс, чтобы присмотреть новый фонарик. Там мне встретился Вектор. Оказалось, он в очередной раз изменил своё направление: живёт на Урале, состоит в секте вроде Космопоиска, хочет защитить диссертацию по уфологии. Он по-прежнему много онанирует, однако в постмодернизм уже не верит, дескать, что толку, если окна в доме загорятся, образуя матерное слово, – все равно это продукт бессмыслицы, зато Космический разум – другое дело! С Него начался мир, Им он и закончится. Ему, Вектору, всегда не хватало родителей, а теперь он нашёл в Нём и отца, и мать, и брата, и вселенскую любовь.

На обратной дороге я ещё долго ходил по дворам без цели. И вот уже, словно из тумана, выплывает центр, пёстрая шумная улица, покосившийся жёлтый дом. У самого подъезда курит самокрутку Фабрицио. Я не сразу заметил своего сокурника.

Фабрицио снимает квартиру неподалёку, он студент из Неаполя – приехал по обмену. Да и сложно сказать приехал – с шумом ворвался! Уже через месяц этот веселый парень получил грант научной конференции по славистике, солировал на концерте губернаторского оркестра (он в совершенстве владел скрипкой и гитарой), организовал несколько походов к северным Саянам, засветился во всех городских клубах, ресторанах, театрах... Теперь с ним здоровался каждый прохожий.

– Сильно рад видеть тебя! – быстро и почти без акцента заговорил Фабрицио. – Как себя чувствуешь?

– Да ничего, жить можно. Ты как?

– На прошлой неделе я подвернул ногу на перевале – до сих пор болит! Но это мелочи.

– Горы? Не понимаю, как ты всё успеваешь...

– Сам не знаю! – улыбается Фабрицио. – Только я приехал, а тут есть столько всего интересного! У нас девушки смугленькие и красивые, а у вас они светленькие и красивые! О, здесь чудесная страна!

– Фабрицио, как обрести счастье?

– Счастье в голове, – произнес он, подумав. – Нужно делать что-то с головой, тогда оно и будет. Может, любовь?.. Нет, я не знаю.

И тут я попросил рассказать мне о темно-голубых каналах Венеции, и он с радостью начал, рисовал словами необъятные картины. В эти мгновения я вспоминал Надю. Она сейчас в Питере, карьера модели и удачное замужество, про меня она, наверно, давно и успешно забыла, как забывают далёкое детство. Но мне важно здесь то, что в ту далёкую летнюю ночь она перестала бояться темноты. И мы обрели себя, каждый по-своему.

Кстати, нужно ответить, зачем понадобились те два слова из Ожегова («нелишне» и «онуча»). Я выбрал их случайно: открыл страницу и ткнул в неё карандашом. Одни люди говорят, что во всём промысел Высших Сил, другие склонны считать, что жизнью правит слепой случай. Поэтому, с точки зрения первых, в этих словах должна жить потаённая символика и вы можете легко связать их с текстом. С точки зрения вторых, особого смысла вы не найдёте – это сцепление компонентов также случайно, как и то, что вы читаете сейчас эти строки.

И все-таки, как обрести счастье?

[здесь должен быть текст]